

Перипетии антиантропоцентризма: Декарт, Лакан, расщеплённое cogito

Научный руководитель – Кузнецов Василий Юрьевич

Постников Ф.С.¹, Одинцов П.С.²

1 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия, *E-mail: postfedor@gmail.com*; 2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия, *E-mail: Odintsow.pav@yandex.ru*

То, что выдвигается Декартом как методологическое сомнение, в конечной точке своего развёртывания никакого сомнения в себе уже не оставляет. [1] То, что позиционировалось изначально как жест достаточно радикальный, в сухом остатке имеет лишь успокоительность абсолютной самопрозрачности и присутствия для самого себя, которое не оставляет никакого зазора для искажений и помех, которые могли бы поколебать декартовского субъекта. Прибавим несколько коротких замыканий в эту концептуальную машинерию - Бога, пишковидную железу - и получим уже не просто декартовского субъекта, но и декартовского человека, способного себя в качестве самотождественного и несомненно существующего субъекта осознать по первому требованию и при первой необходимости.

Тем не менее, та адамическая беззаботность, которую ценой радикального сомнения Декарт пытается купить, вполне могла бы претендовать на звание «кота в мешке» за счет тех двусмысленностей, которые в самой себе процедура самоуверения cogito в себе содержит. Черта, которая бросается в глаза при попытке критически подойти к концептуальному ходу Декарта, состоит в том, что вся механика доказательства собственного существования оказывается имманентна полю языка и полю артикуляции в языке тех операций, условием возможности которых сам этот язык и является. Таким образом, в качестве кандидата на позицию источника указанных двусмысленностей оказывается возможным рассмотреть, в первую очередь, язык. Переходя к разбору и анализу конкретных влияний, которые этот самый язык весьма неоднозначным образом вносит, стоит отметить прежде всего Жака Лакана, который в книге 17 своих семинаров [2] обращает внимание на некоторые внутренне присущие пространству языка, его грамматики и пунктуации особенности и способы функционирования, которые позволяют последовательно переформулировать “Я мыслю, следовательно я существую” в “Я мыслю: «Следовательно, я существую»” и в “Я мыслю следовательно: «Я существую»”. [2]

Таким образом, Лакан обращается к тому выпавшему в декартовской процедуре разделению между я и я, которое, раскалывая это означающее, выписывается в психоаналитическом дискурсе как расщепление между высказыванием и актом высказывания - двумя уровнями, по которым соответственно разносятся различные я декартовской операции. [3]

Таким образом, удостоверяющая инстанция оказывается всегда выпавшей на уровень, отличный от того, который она кое-как способна удостоверить, оставаясь, таким образом, вне того, что удостоверено, оказываясь, скажем прямо, не такой уж и достоверной.

Таким образом, не без помощи лакановского аппарата, в перипетиях декартовского cogito мы, благодаря неожиданным механикам языка, оказываемся способны сделать ещё один шаг на провозвещаемой повсеместно дороге антиантропоцентризма, освободив, наконец, человека, от бремени его легкости, которую он рассчитывал найти в самопрозрачности, самоданности и достоверности собственного существования.

Источники и литература

- 1) Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 3–73
- 2) Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-70)). Пер. с фр./ А Черноглазова. М., 2008.
- 3) Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). Пер. с фр./ Перевод А. Черноглазова. М., 2004.